

Языковые средства литературной интерпретации *

Роланд Познер

БЕРЛИНСКИЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ, ГЕРМАНИЯ

A sign is a sign in actu by virtue of its receiving an interpretation, that is, by virtue of its determining another sign of the same object.¹

Charles S. Peirce

0. Постановка проблемы

Зачем интерпретировать литературный текст? Вопрос не новый. Поколения литературоведов пытались предложить теоретическое решение этого вопроса, разрабатывали все новые теории интерпретации и писали многословные разъяснения к ним. Но в большинстве своем эти разработки теряли убедительность оттого, что их создатели не придерживались своих теорий на практике.

Как же осуществляется интерпретирование? Как формулируется литературная интерпретация? Дать ответ на вопрос в такой его формулировке представляется более реалистичным. Лингвистика и теория науки дали нам в руки инструментарий, позволяющий описать, что в действительности происходит при интерпретации литературного текста. Анализируя то, что делают литературоведы – шаг за шагом, слово за словом – и не полагаясь на введения и программные статьи, мы приходим к эмпирическим данным, которые в ко-

* Posner R. Sprachliche Mittel literarischer Interpretation. Zweihundert Jahre Goethe-Philologie. In: Vielfalt der Perspektiven: Wissenschaft und Kunst in der Auseinandersetzung mit Goethes Werk / Hrsg. von H.-W. Eroms u. H. Laufhütte. Passau: Passavia Universitätsverlag, 1984, S. 179-206. Перевод Н.С. Сироткина. Статья переведена при поддержке фонда Альфреда Топфера (Alfred Toepfer Stiftung F.V.S., Hamburg).

¹ Peirce Charles S. Collected Papers. Vol. 5&6 / Ed. by Ch. Hartsornе and P. Weiss. Cambridge/Mass., 1934-1935, § 5.569.

нечном счете могут послужить хорошим основанием для адекватной теории литературной интерпретации².

Критические разборы произведений Гете дают богатый материал, позволяющий на примерах продемонстрировать методы и результаты требуемого исследования. Чтобы не быть вынужденным сопоставлять несопоставимое, я выберу в качестве объекта литературный текст, популярный и потому много обсуждавшийся, короткий и потому обозримый для любого интерпретатора, а также написанный давно и потому ставший исходным пунктом длинного и репрезентативного с исторической точки зрения ряда интерпретаций. Стихотворение Гете «An den Mond»³ удовлетворяет всем этим требованиям: оно занимает всего одну страницу, было написано более 200 лет назад и с тех пор интерпретировалось в более чем сотне метатекстов, длина которых порой достигала 40 страниц. Эти метатексты и их отношения к тексту Гете, тексту-объекту, составляют предмет настоящего исследования⁴.

² Интерпретирование как экспликация того, что текст содержит в имплицитной форме, имеет такую же долгую историю, как сам язык, и не ограничивается рамками какой-либо научной дисциплины. Литературные тексты интерпретируются в литературной критике, при преподавании литературы, при публикации текстов, в биографиях писателей и в истории литературы. В связи с этим предложенное Романом Якобсоном («Лингвистика и поэтика» // Е. Я. Басин, М. Я. Поляков (ред.). Структурализм: «за» и «против». М., 1975, с. 193-230) строгое разграничение литературоведения («literary studies») как «объективного научного исследования искусства слова» и литературной критики («literary criticism») как «индивидуального вкуса и индивидуальных взглядов критика» для нас нерелевантно. Напротив: выяснить, как специфическая целеустановка литературного критика, преподавателя литературы, публикатора, биографа или историка литературы определяет его способ интерпретировать текст, – эта задача является одной из главных при анализе интерпретации. Если в дальнейшем речь будет идти о литературоведах, все эти группы также постоянно имеются в виду. (*Здесь и далее – примечания автора*).

³ Стихотворение было написано между 1776 и 1789 г. и впервые опубликовано в 1789 г.; ср.: Goethe Johann Wolfgang von. Schriften. 8 Bde. Leipzig, 1787-1790, Bd. 8, S. 153ff. Текст со всеми вариантами опубликован в: Meschke Waltraud (Hrsg.). Gedichte Goethes – Veranschaulicht nach Form- und Strukturwandel. Berlin/DDR, 1957 (Studienausgaben zur neueren deutschen Literatur. Bd. 1), S. 128-131. В дальнейшем текст цитируется по: G. J. W. v. Werke – Vollständige Ausgabe letzter Hand. 40 Bde. Stuttgart; Tübingen, 1827-1830; ср. также G. J. W. v. Gedenkausgabe der Werke, Briefe und Gespräche. 27 Bde. Zürich; Stuttgart, 1948-1971, Bd. 1, S. 71ff.

⁴ В основе этой работы лежит собрание материалов: Posner Roland. Praxis und Theorie in der literarischen Interpretation. Die Entwicklung von der Aufklärung bis zum literarischen Strukturalismus, dargestellt am Beispiel der Interpretationen zu Goethes Gedicht ‚An den Mond‘. Не опубликовано. Английская версия под заголовком «Linguistic Tools of Literary Interpretation» увидела свет в: Actes du VIIIe Congrès de l'Association Internationale de Littérature Comparée, Budapest: Akadémiai Kiadó 1978, S. 805-826, а также в: PTL – Journal of Poetics and Theory

Но возможно ли описать отношение между литературным текстом и его интерпретацией действительно с лингвистической точки зрения? В дальнейшем я буду исходить из этой гипотезы. Чтобы проверить ее, следует попытаться установить языковую связь между каждым предложением метатекста (литературной интерпретации) и одним или несколькими предложениями текста-объекта (в данном случае – стихотворения Гете «An den Mond»), следует предположить, что предложения интерпретирующих текстов можно получить при помощи ограниченного числа грамматико-лексических преобразований исходных предложений (содержащихся в стихотворении) и добавлений к ним. Для описания этих преобразований я использую правила трансформации в той форме, в какой их ввел Целлиг Харрис⁵.

Впрочем, предвосхищая упреки литературоведов, необходимо сразу же отметить, что интерпретирование представляет собой нечто большее, нежели простое переформулирование исходного текста. В каждой интерпретации используется дополнительная информация об авторе и его эпохе, а также о мире и об обществе, в котором живет интерпретатор. Но эта дополнительная информация становится релевантной только в том случае, если в тексте интерпретации она каким-либо образом связывается с текстом-объектом, и нас в данном контексте интересует языковая реализация этой связи.

Предвосхищая упреки лингвистов, следует признать: в методологическом аспекте наша задача требует гораздо большего, нежели то, чего достигла описательная лингвистика к настоящему времени. Мы должны не только установить,

а) какие морфологические, синтаксические или лексические преобразования на самом деле осуществил интерпретатор при переходе от текста-объекта к его интерпретации, но и

б) какую роль играет каждое из этих преобразований в осуществлении коммуникативной функции интерпретации как целого.

Предпосылкой ответа на эти вопросы является функциональная грамматика, которая для каждого интонационного, морфологического, синтаксического или лексического преобразования может предсказать, какой прагматический эффект оно окажет на читателя метатекста.

Впрочем, настоящее исследование не ограничивается систематикой, но имеет и исторические аспекты. Как будет видно, развитие языковых средств интерпретирования тесно связано со сменой литературных эпох. Большинство метатекстов по целеустановке, по стилю имеют много общего с текстами-объектами, написанными в то же время. Общие высказывания об этом уже делались⁶, но их детальное подтверждение пока не дано.

of Literature 3 (1978), S. 71-93. Аутентичную английскую версию см. в: R.P. Rational Discourse and Poetic Communication: Methods of Linguistic, Literary, and Philosophical Analysis. Berlin; New York; Amsterdam, 1982.

⁵ Ср. Ploetz Senta (Hrsg.) Transformationelle Analyse – Die Transformationstheorie von Zellig Harris und ihre Entwicklung. Fr/M., 1972.

⁶ Ср., например, вводное сообщение Германа Майерса (Meyers) к третьему конгрессу Международного объединения германистской лингвистики и литературоведения 22 августа 1965 г. в Амстердаме. Тема этого сообщения –

В дальнейшем, опираясь на сформулированную лингвистическую гипотезу, я дам обзор исторического развития европейской практики интерпретации, как она засвидетельствована на примере стихотворения Гете «An den Mond»:

Johann Wolfgang von Goethe
An den Mond

- I *Füllest wider Busch und Thal
Still mit Nebelglanz,
Lösest endlich auch einmal
Meine Seele ganz;*
- II *Breitest über mein Gefild
Lindernd deinen Blick,
Wie des Freundes Auge mild
Über mein Geschick.*
- III *Jeden Nachklang fühlt mein Herz
Froh- und trüber Zeit,
Wandle zwischen Freud' und Schmerz
In der Einsamkeit.*
- IV *Fließe, Fließe, lieber Fluß!
Nimmer werd' ich froh,
So verrauschte Scherz und Kuß,
Und die Treue so.*
- V *Ich besaß es doch einmal,
Was so köstlich ist!
Daß man doch zu seiner Qual
Nimmer es vergißt!*
- VI *Rausche, Fluß, das Thal entlang,
Ohne Rast und Ruh,
Rausche, flüstre meinem Sang
Melodien zu,*

Иоганн Вольфганг Гёте*
К месяцу

- I Снова топишь глушь и даль
В тихой белизне,
Отрешаешь вновь печаль
От души вполне.
- II Обегает нежно луг
Взор целящий твой,
Словно бодрствующий друг
Над моей судьбой.
- III Сердцу – отзвук повторять
Добрых дней и злых,
В одиночестве искать
Мук и нег былых.
- IV Лейся, лейся, милый ток!
Мой удел – тоска.
Поцелуй – увы! – далек,
Верность – далека.
- V Называл и я моим,
Что ценней всего.
Лютой скорбью век томим,
Вечно жду его.
- VI Пой, река, долиной всей,
Отдыха не знай.
Пой – и с песенкой моей
Шум свой сочетай.

«Писать о Гельдерлине иначе, чем писал Гельдерлин» (опубл. в: Die Zeit. 1965. № 35, S. 14f.).

* Перевод А. Кочеткова приводится по изданию: Гёте И.В. Собрание сочинений. В 13 т. Т. 1: Лирика. М.; Л., 1932, с. 136-137. При выборе русского перевода решающее значение имела его близость к оригиналу. Ср. «классический» перевод В. Левики (К месяцу // Гете И.В. ф. Собрание сочинений: в 10 т. Т.1. Стихотворения / Общ. Ред. Н. Вильмонта, Б. Сучкова, А. Аникста. М., 1975, с.149) или перевод В. А. Жуковского (К месяцу // Немецкая поэзия в переводах В. А. Жуковского: Сборник / Сост., предисл. и коммент. А. Гугнина. М., 2000, с. 95-97). Тем не менее не все особенности текста Гёте, конечно, могли быть переданы даже в самом точном переводе, поэтому в некоторых местах цитируемый текст Гёте приводится по-немецки. (Прим. перев.).

VII *Wenn du in der Winternacht
Wüthend überschwillst,
Oder um die Frühlingspracht
Junger Knospen quillst.*

VIII *Selig, wer sich vor der Welt
Ohne Haß verschließt,
Einen Freund am Busen hält
Und mit dem genießt,*

IX *Was, von Menschen nicht gewußt
Oder nicht bedacht,
Durch das Labyrinth der Brust
Wandelt in der Nacht.*

VII Свирепея ли, к зиме
Раздуваешь бег,
Иль готовишь лист во тьме
Для весенних нег,

VIII Счастлив, кто без злобы стал
В мире нелюдим,
К груди друга кто припал
И вкушает с ним,

IX Что, неведомо в тиши
Иль невятно нам,
Лабиринтами души
Бродит по ночам.

1. Просвещение и сентиментализм

У истоков современной интерпретации текста стоит стремление дать дифференцированное эстетическое суждение и обосновать его. Лессинг (1753) пишет:

Нет ничего, что бы я в своей жизни невзлюбил больше, чем критиков, разбирающих стихи [...]. Последователи Клопштока хотя бы сделали все, чего от них можно требовать [...]. Они разобрали к р а с о т ы «Мессии»; они указали п р и ч и н ы своего восхищения.⁷

Результаты, которые дает такой подход, мы видим в литературных журналах эпохи просвещения и сентиментализма. Литературные критики в зависимости от их установки демонстрируют либо красоты стихотворения, либо ошибки в нем. Так, австрийский профессор риторики Мартин Шпан (Span, 1821) писал о тексте Гете следующее:

«Тихой» во втором стихе – это плеоназм, так как свет месяца никогда не бывает громким.

Что должно означать ‘die Seele lösen’, остается расшифровывать читателю; ему лишь дается понять, что прежде месяц отрешал печаль от всех прочих душ вполне, от души же поэта – только отчасти.

Неправильно построенное предложение во второй строфе указывает, что ‘mild’ и ‘lindernd’ должны были поменять свои места *volens* – потому, что потребовалась рифма к ‘Gefild’.

То, что месяц обегает местность ‘целящим’ взором, заставляет предположить, что эта местность страдает тяжелой болезнью [...].⁸

⁷ Lessing Gotthold E. Schriften. 2. Teil. Briefe. Berlin, 1753 = L. G. E. Werke / Hrsg. von Karl Lachmann. Bd. 5. 3. Aufl., rev. von Fr. Muncker. Stuttgart, 1890. Приведенная цитата в этом издании находится на стр. 74 и сл. (Разрядка моя. – Р. П.)

⁸ Span Martin. Göthe als Lyriker. In: Conversationsblatt. Zeitschrift für wissenschaftliche Unterhaltung. № 3 (1821), S. 85-90 и 100-103, здесь S. 89 = Euphorion. № 10 (1903), S. 620.

Шпан приводит короткие цитаты, за ними следуют оценочные суждения, к которым примыкают короткие предложения-обоснования. Цитаты он использует для того, чтобы идентифицировать соответствующее место в тексте-объекте и продемонстрировать читателю их свойства. В предложениях-обоснованиях формулируются общие места, призванные подкрепить оценочные суждения.

Шпан считает своей задачей критику вкуса, его оценки направлены на детали текста-объекта. То же можно сказать и о других литературных критиках того времени: они усердствуют в сентиментальном разборе красот и рационалистическом буквоедстве и редко выходят за рамки собирания изысканных грамматических и стилистических редкостей. Поэтические связи между цитируемыми местами не рассматриваются, сложное единство стихотворения как целого остается вне поля внимания.

2. Романтизм

Понять стихотворение как целое можно, только имея в качестве фундамента независимую систему понятий. Уровню текста-объекта следует противопоставить второй уровень, на котором возможно описать возникновение, содержание и эффект стихотворения.

Такой второй уровень описания гетевского послания к луне мы встречаем прежде всего в романтической прозе. Людвиг Тик (1831) в новелле «Der Mondsüchtige» создает фиктивный контекст и вписывает в него текст стихотворения Гете⁹. Герой новеллы постоянно оказывается в ситуациях, которые могли бы стать подходящими для написания этого стихотворения, а потому, как представляется, создают и оптимальные условия для его восприятия. Описание одной из этих ситуаций начинается так:

Почки и молодые сочные листья издавали горький аромат. Каштаны раскрыли свои тучные плоды, и в шелестящем воздухе, как бледные зеленые руки, висели зеленые листья. Буки еще не зеленели. Когда над горами встал полный месяц, я поднимался вдоль ручья – любимое место моих прогулок. С жаждущим сердцем устремил я к нему свой взор.

Снова топишь глушь и даль
В тихой...¹⁰

⁹ Цельтер (Zelter) отозвался на это в письме к Гете от 3 декабря 1831 так: «Тик [...] в своей последней новелле уверенно берет тебя под защиту; он как будто взял за основу этой новеллы твое стихотворение к луне («Снова топишь глушь и даль»). [...] Вещица изящна и читается легко [...]» (Geiger Ludwig (Hrsg.). Briefwechsel zwischen Goethe und Zelter. 3 Bde. Leipzig, 1920, здесь Bd. 3, S. 510f.).

¹⁰ Ludwig Tieck. Der Mondsüchtige. In: Urania. Taschenbuch auf das Jahr 1832. Leipzig, 1831. S. 291-372. Также в: L. T. Gesammelte Novellen. 4 Bde. Breslau, 1835. 2. Aufl. 1838, в этом издании Bd. 1. S. 95-210. Кроме того, в: L. T.

Если сравнить этот вводный текст Тика со стихотворением Гете, становится ясно, что текст Тика представляет собой лишь расширенную прозаическую версию стихотворения. Можно установить следующие языковые операции:

1. Тик конкретизирует гетевское описание ландшафта, добавляя подробности (*Busch* («кусты») Гете превращается в *каштаны* и *буки*, *поток* – в *любимое место прогулок* лирического героя),

2. Тик усиливает описание (*месяц* становится *полным месяцем*, *даль* («*Thal*») – «*долина*») окружена *горами*) и

3. Тик динамизирует его (*почки издают* аромат, *воздух шелестит*, *месяц поднимается* над горами).

Хотя в метатексте в изображение ландшафта вводятся более конкретные, более интенсивные и более динамические подробности и потому это изображение представляется более романтическим, нежели текст-объект, тем не менее логически оно остается в рамках, заданных текстом-объектом, и лишь использует неясности в нем.

Метатекст Тика следует читать перед чтением стихотворения Гете. Чтение метатекста готовит читателя к восприятию стихотворения. Там, где месяц достигает наивысшей точки, проза Тика переходит в лирику Гете. Предвосхищая существенные детали декораций стихотворения, метатекст дает читателю ландшафт-модель, и читатель может представить себе фиктивные события текста-объекта происходящими в этой модели; так снижается неуверенность реципиента при конструировании лирического вымысла. Эксплицитно формулируя важные заключения, остающиеся в стихотворении имплицитными, метатекст разгружает внимание читателя, позволяя при чтении стихотворения полностью сконцентрироваться на самом предлагаемом тексте. Наконец, подробно изображая воздействие, которое оказывает на героя новеллы рецитация этого текста, метатекст подталкивает читателя к тому, чтобы самому испытать воздействие стихотворения.

Метатекст Тика превращает декорации стихотворения в элемент рамочного действия и благодаря этому в *внешнем контексте* облегчает восприятие стихотворения. Рамочное действие, подобное этому, использовалось в романтической литературе очень часто. Не только стихотворения вписывались в новеллы – целые собрания стихотворений упорядочивались в последовательности, позволявшей читать их как новеллы¹¹.

Schriften. Bd. 21. Berlin, 1853. S. 63-136. Цитата по этому изданию – на стр. 67ff.

¹¹ Ср. труд Августа Коберштейна (Koberstein. *Über das gemüthliche Naturgefühl der Deutschen und dessen Behandlung im Liebesliede mit besonderer Beziehung auf Goethe*. In: *Album des literarischen Vereins*. Naumburg, 1846. Воспроизведено в: К. А. *Vermischte Aufsätze*. Leipzig, 1858), который рассматривает стихотворения Гете как свидетельства его душевной жизни и располагает их в таком порядке, что они описывают историю любовных приключений поэта. Это представление разделяли и другие историки литературы; так, Франц Елинек (Jelinek. *Über Goethes Lied 'An den Mond'*. In: *Chronik des Wiener*

3. Бидермайер

В эпоху бидермайера литературная интерпретация высвобождается из рамок литературной критики и беллетристики и становится самостоятельным нелитературным жанром. Теперь задача видится не в том, чтобы создать внешний контекст, облегчающий восприятие текста; задача – реконструкция стихотворения изнутри. Следуя девизу Фридриха Шлегеля – «понять произведение можно, только воссоздавая его ход и строение»¹², – интерпретаторы теперь занимаются внутренней связью вымышленных событий, связью, которая превращает стихотворение в единое целое. Чтобы показать эту связь, выстраивают внутренний контекст.

Карл Людвиг Каннегиссер (Kannegiesser), опубликовавший в 1835 г. сборник интерпретаций стихотворений Гете, видел свою основную задачу в том, чтобы представить развитие действия в послании к месяцу внутренне согласованным и естественным. Чтобы установить связь между пятой строфой –

Называл и я моим,
Что ценней всего.
Лютой скорбью век томим,
Вечно жду его, –

и шестой строфой –

Пой, река, долиной всей,
Отдыха не знай.
Пой – и с песенкой моей
Шум свой сочетай, –

Каннегиссер приводит конъектуру: «О, если бы я мог угасить воспоминания, сделав глоток из Леты»¹³, – и дает таким образом понять, что лирический герой взывает к реке, прося ее заглушить печальные воспоминания новыми мелодиями: «Оглуши меня, говорит он, своим шумом [...]»¹⁴.

Но главный инструмент интерпретации Каннегиссера – особый вид парафразы. Вместо того чтобы цитировать две первые строфы послания к луне, он пишет:

Goethe-Vereins 2 (1888), S. 1-10, 16, здесь S. 16b) писал, что послание Гете к месяцу «представляет собой великолепное завершение любовного романа в стихах (что касается тех стихов, в центре которых – Лили)».

¹² Ср. Schlegel Friedrich (Hrsg.). Lessings Gedanken und Meinungen. Aus dessen Schriften zusammengestellt und erläutert. 3 Bde. Leipzig, 1804. Bd. 1, S. 40f., в его «Общем введении» к «Мыслям и суждениям» Лессинга.

¹³ Kannegiesser Karl L. Vorträge über eine Auswahl von Göthes lyrischen Gedichten, gehalten an der Universität Breslau. Breslau, 1835, S. 162f.

¹⁴ Там же.

- [г] Бледный серебристый свет, [...]
 [а] распространяется [...] повсюду, по всей земле [...], и распространяется тихо, [...]
 [в] он обегает луг, [...]
 [б] он [...] отрешает душу поэта от печали¹⁵.

Если отвлечься от первого предложения, парафразирующего слово *белизны*, и изменить последовательность предложений (а), (в), (б) на (а), (б), (в), то мы поймем, что языковую основу каждого из них составляет соответствующее предложение стихотворения. Сопоставление предложения (а) со стихами I 1, 2, предложения (б) – со стихами I 3, 4 и предложения (в) со стихами II 1,2 показывает: грамматические субъекты имеют ту же референцию, глаголы за одним исключением идентичны, грамматические объекты синонимичны, и тексты почти не отличаются по длине.

Это наводит на вопрос: почему Каннегиссер вообще формулирует текст, отличающийся от стихотворения? Ответ мы получим, если заново сравним метатекст с текстом-объектом. Текст-парафраза Каннегиссера возникает на основе стихотворения Гете путем следующих языковых трансформаций:

1. **Объективация**: второе лицо глаголов и местоимений изменяется на первое.
2. **Дескриптивация**: описание при помощи глаголов в косвенных наклонениях переходит в прямое описание (императив заменяется индикативом).
3. **Деметафоризация**: значения метафорических выражений передаются буквально (*глушь и даль* заменяется на *по всей земле*, *взор* месяца – на *его свет*, *топишь... в белизне* – на *бледный, серебристый свет*).
4. **Генерализация**: наречия, характеризующие время (*вновь*) и образ действия (*вполне*), опускаются, и прибавляются генерализующие наречия (*повсюду*).

Эффект этих операций очевиден:

- в результате **генерализации** утрачивается индивидуальный характер лирической ситуации, благодаря чему каждый может стать ее участником.
- Благодаря **объективации** читатель вовлекается в коммуникацию между лирическим героем и природой; таким образом месяц перестает быть единственным адресатом героя и становится собеседником как героя, так и читателя.
- Благодаря **дескриптивации** вымышленный мир становится частью читательского сознания. (Этот шаг позволяет Каннегиссеру говорить об истинности стихотворения; он берет на себя смелость утверждать: «Так обстоит дело в действительности, и выражение столь же истинно, сколь просто»¹⁶.)
- Благодаря **деметафоризации** значение литературного текста формулируется так, что текст становится понятным без объяснений, и у чита-

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

теля создается впечатление, что стихотворение отнюдь не является бессмысленным (в отличие от того, чего добивался Шпан).

Но как Каннегиссер связывает свой текст с текстом Гете? Путем постоянного добавления развернутых приложений, дополнительных описаний:

– после «бледный, серебристый свет» он добавляет: «лишь туманный блеск в сравнении со светом дня, с золотыми лучами солнца»;

– после «тихо» он объясняет: «ибо месяц – это лишь светило тихой ночи»;

– после «луг» он дополняет: «слово нежное, с очень широким значением, но понимать его следует прежде всего как обозначение души»¹⁷.

Эти добавления вводят в текст-парафразу Каннегиссера слова самого Гете – именно то, что Каннегиссер должен интерпретировать; но в его тексте грамматическая функция этих слов заключается в том, чтобы объяснить парафразу Каннегиссера. Благодаря такой смене ролей он может предложить читателю текст своей интерпретации в качестве замены стихотворения Гете. Текст интерпретации конгруэнтен стихотворению Гете не только в синтаксическом плане – и в риторическом плане он проходит параллельное развитие. Генерализующие, объективные, описательные, буквальные формулировки в начале текста интерпретации постепенно уступают место все большему приближению к оригиналу – тексту Гете, и начиная с четвертой строфы высказывания интерпретатора носят такой же частный характер, так же субъективны и связаны с конкретной ситуацией, так же метафоричны, как и слова поэта. Каннегиссер даже буквально следует Гете, взывающему к реке, когда говорит:

Как в спешке устремляются вдаль твои волны, так же быстро проходят счастливые мгновения моей жизни [...].¹⁸

Здесь Каннегиссеру удается полностью ввести читателя в лирический вымысел стихотворения Гете.

4. Поздний романтизм

В интерпретациях эпохи бидермайера выстраивание внутреннего контекста было призвано представить вымышленное действие внутренне согласованным и естественным. Интерпретаторы еще не стремились воспроизвести смену настроений, происходившую во внутреннем мире героя в рамках вымышленного действия или во внутреннем мире читателя при чтении стихотворения.

¹⁷ Karl L. Kannegiesser. Vorträge, S. 162 (разрядка моя. – Р. П.). Весь текст звучит так: «Бледный серебристый свет, лишь туманный блеск в сравнении со светом дня, с золотыми лучами солнца, – но он распространяется повсюду, по всей земле, наполняет глушь и даль, и распространяется тихо, ибо месяц – это лишь светило тихой ночи, он обегает луг – слово нежное, с очень широким значением, но понимать его следует прежде всего как обозначение души; он улыбается людям и отрешает душу поэта от печалей».

¹⁸ Karl L. Kannegiesser. Vorträge, S. 163 (разрядка моя. – Р. П.).

Этот эмоциональный аспект становится главной целью интерпретации только в эпоху позднего романтизма.

В своем разборе стихотворения Гете «К месяцу» Виктор Хен (Hehn, 1848), последовательно характеризуя фразы стихотворения и давая им оценку, пытается воспроизвести их эффект:

Неописуемое волшебство гармонии созвучий стремится тихой волной от слова к слову, от строфы к строфе [...].

Несравненно прекрасен образ, [...] – месяц обегает луг [...] своим целящим взором [...].

Сладко-успокоителен, хотя в то же время мягок и элегичен, конец стихотворения.¹⁹

Как ни развернуты эти характеристики, в них ни разу не упоминается психологический субъект, испытывающий те воздействия, о которых идет речь. Даже там, где Хен прямо парафразирует текст стихотворения, он находит столь общие формулировки, что индивидуум, испытывающий эти настроения, может оставаться неназванным:

Сердцу – отзвук повторять
Добрых дней и злых, [...]
Лейся, лейся, милый ток!
Мой удел – тоска. [...]
Лютой скорбью век томим,
Вечно жду его.

Хен замечает:

[...] прошедшее и настоящее, потерянное счастье и скорбь о потере, все впечатления прежних дней, все радости и печали неясно сплетаются в о д н о м смешанном настроении.²⁰

Этот метатекст создает впечатление свободно сменяющихся друг друга ощущений, чувств, представлений, которые независимо от своих субъектов

¹⁹ Victor Hehn. Über Goethes Gedichte (1848). In: E. van der Hellen (Hrsg.). Hehn: Aus dem Nachlaß. Stuttgart; Berlin, 1911, S. 100. Что касается положительной оценки, Хен мог бы сослаться на самого Гете, полагавшего, что «поэт, в особенности современный, живой, вправе притязать на благосклонность читателя, критика» (Письмо к Эйхштедту (Eichstädt) от 15 сентября 1804; в: Goethe Johann Wolfgang von. Weimarer Ausgabe. 4 Abteilungen. Weimar, 1887-1919: Abt. 4. Bd. 17, S. 197). 14 июня 1796 г. Гете писал Шиллеру: «Может быть, это от моего настроения, но мне все кажется, что если о сочинениях, как и о поступках, говорят без доли участия и энтузиазма, то остается так мало, что этого и вовсе не стоит говорить» (G. J. W. v. Weimarer Ausgabe. Abt. 4. Bd. 11, S. 96).

²⁰ Victor Hehn. Über Goethes Gedichte, S. 100 (разрядка авторская).

соединяются друг с другом в атмосфере полумрака. Кажется, что эта атмосфера в равной мере окружает и вымышленное действие, и ситуацию создания стихотворения, и ситуацию его восприятия. Внешний и внутренний контексты становятся неразличимы. Роли автора, лирического героя и читателя, в интерпретациях бидермайера четко разделявшиеся (во всяком случае внешне), здесь сознательно сплавляются воедино.

Почему Хен выбирает такие общие выражения? Он хочет побудить читателя вызвать в своем воображении те настроения, которые привели к созданию текста Гете и вымышленного действия в нем, и полагает, что таким образом дает читателю возможность особенно интенсивно пережить стихотворение²¹.

5. Реализм

В метатекстах реализма такое осознанное смешение интерпретационных контекстов решительно отвергается. Не стремясь к целостным интерпретациям, литературоведы теперь занимаются тем, что издают биографии поэтов, критические исследования текстов или обобщающие труды о культуре эпохи.

Альберт Бильшовский (Bielschowsky, 1896) рассматривает текст-объект как биографическое свидетельство, служащее для воссоздания того душевного состояния, в котором поэт находился в течение пяти недель перед написанием стихотворения. Бильшовский разлагает содержание стихотворения на четыре части и называет части «мотивами». Это позволяет ему проецировать содержание стихотворения на жизнь Гете и говорить о «постепенном складывании песни из многих мотивов»²². Таким образом, систематическая двусмыслен-

²¹ Теоретическим обоснованием такого подхода являются мысли, сформулированные в ранних работах Дильтея: Dilthey Wilhelm. Die geistige Welt. Einleitung in die Philosophie des Lebens. 2. Hälfte: Abhandlungen zur Poetik, Ethik und Pädagogik. Leipzig; Berlin, 1924, S. 212.

²² Bielschowsky A. Goethe – Sein Leben und seine Werke. 2 Bde. München, 1896-1903. Bd. 2, S. 374 (разрядка моя – Р. П.). Ср. в контексте: «Однако складывание песни из многих мотивов, не присутствующих в душе поэта одновременно, но накапливающихся в ней один за другим, происходит [...] иначе. Первый мотив сам по себе не вызывает вдохновения; приходит второй, третий, четвертый; и вот все они обретают жизнь, соединяются друг с другом, и из их соединения произрастает поэтический плод».

Бильшовский полагает, что стихотворение сложилось из следующих мотивов:

1. «16 января 1778 года молодая дома из придворных кругов Веймара, Кристель фон Ласберг, из-за несчастной любви утопилась в Ильме, неподалеку от садового павильона Гете – как говорили, с «Вертером» в сумочке. Этот случай глубоко взволновал Гете. Мысли приковывали его обычно подвижный дух, его горячее сердце к реке, словно призрак. Он живет с этим тягостным чувством несколько недель».

2. «Тягостное состояние усиливается оттого, что госпожа фон Штейн отказывается его принимать».

ность понятия мотива стала основанием, позволявшим биографам Гете переходить от семантического описания стихотворения к биографическому описанию ситуации его возникновения.

Аналогичные формулировки использовали исследователи Гете, реконструировавшие канонический текст на основе его различных документально подтвержденных вариантов, и историки, рассматривавшие эти варианты и их смену как свидетельства, документирующие духовное развитие.

Однако постоянное появление все новых устанавливаемых исторических фактов, биографических гипотез и текстологических разграничений делало все более трудной задачу увидеть за литературным текстом сложное, но целостное восприятие современного читателя. Став узкоспециализированными, биографические, филологические и исторические контексты, которые первоначально должны были способствовать целостному пониманию стихотворения, утратили свою служебную функцию и превратились в самоцель. Это привело к тому, что цели и методы реализма, противопоставленные целям и методам позднего романтизма, в конечном итоге имели тот же эффект: контекстуализация как средство интерпретации конкретного литературного текста доводилась до абсурда.

6. Импрессионизм

Выводы из такого развития средств интерпретации сделало движение эстетического воспитания (*Kunsterziehungsbewegung*), симпатизировавшее художникам импрессионизма и стиля модерн. Сторонники этого движения склонялись к тому, чтобы свести вербализацию фактов искусства к минимуму. Прочитано должно быть только с а м о с т и х о т в о р е н и е , а если при этом возникает потребность в разъяснениях, они могут быть даны при повторном чтении – в разъясняющих вставках. Преподаватель австрийской гимназии

3. «Но в начале следующего месяца любимая вновь благосклонна к нему, и, счастливый ее обладанием, он с радостью замечает, что надолго удалился от людей».

4. «Прогулка при лунном свете вносит последний штрих к этому прекрасному, чистому настроению, он чувствует, что его душа наконец вполне освободилась от напряжения и тягостных впечатлений последних недель» (Bielschowsky A. Goethe. Bd. 2, S. 374ff. Разрядка моя. – Р. П.).

Эти замечания Бильшовский рассматривает как интерпретацию четырех первых строф первого сохранившегося варианта послания к месяцу и как объяснение их возникновения. Фрагменты, выделенные в приведенной цитате, взяты непосредственно из этого варианта стихотворения, только формулировка третьего «мотива» независима и подтверждается записью в дневнике Гете. В современных биографических трудах о Гете эта реконструкция исторических событий, приведших к возникновению стихотворения «К месяцу», больше не проводится. Прочитанный фрагмент отсутствует уже во втором издании книги Бильшовского, которое было переработано Вальтером Линденом (Linden) и вышло в 1928 году.

Фридрих Бауэр (Bauer, 1894) предложил для устного чтения в школе третьей и девятой строф стихотворения Гете следующее:

Сердцу – *[приходится сейчас]* отзыв повторять
 Добрых дней и злых,
[и я вынужден] В одиночестве искать
 Мук и нег былых *[в зависимости от того, что приходит мне на память]*.

[...]

Что, неведомо в тиши *[что не ценится по заслугам]*
 Иль невятно нам *[большинству людей]*,
 Лабиринтами души *[загадочные глубины человеческого характера]*
 Бродит по ночам *[проходит перед нами в тишине такой ночи, как эта]*.²³

Это противоположность тому, что делал Каннегиссер: вместо того чтобы вписывать слова стихотворения в текст интерпретации, Бауэр вписывает слова интерпретации в текст стихотворения. Впрочем, такой подход едва ли удовлетворителен в эстетическом отношении, и поэтому дискуссия об интерпретации все больше и больше переходила в суммарную полемику «о вреде объяснений для поэзии»²⁴. В 1906 году Артур Бонус распространил приговор против объяснения даже на самые простые формы парафразы:

Это было беспрестанное описание всего того, что, не увиденное и не пережитое поэтом [...], составляло его художественную силу. [...] Безумное представление – что откровения [...] художника можно лучше понять, если изложить их не в той форме, которую выбрал поэт, а в той, в которой господин Учитель выражает свое понимание этих откровений. И даже не свое понимание, а то, на которое он считает способными детей.²⁵

²³ Bauer Friedrich. Sieben Gedichte Goethes – Nach ihrem Gedankengang erläutert. In: Zeitschrift für österreichische Gymnasien, № 45 (1894), S. 704-720 и 976.978, здесь – S. 976ff.

²⁴ Это подзаголовок статьи: Bonus Arthur. Vom Äußerlichsten und vom Innerlichsten (= über den Schaden des Erklärens für die Dichtung – Eine pädagogische Ketzerei). In: Der Säemann, № 1 (1906), S. 330-335.

²⁵ Bonus Arthur. Vom Äußerlichsten und vom Innerlichsten, S. 332ff. Под «господином Учителем» Артур Бонус подразумевает не кого-нибудь, а Рудольфа Леманна (Lehmann [игра слов: Lehmann – Lehmann]), одного из главных представителей движения эстетического воспитания. В 1905 году Леманн написал программный труд о «художественной интерпретации стихотворений», где послание Гете к месяцу использовалось в качестве примера. (Ср.: Lehmann Rudolf. Goethes Lyrik und die Goethe-Philologie. In: Goethe-Jahrbuch, № 26 (1905); S. 133-158.)

Эти слова написал представитель педагогического движения, считавшего своей задачей заботу об адекватном отношении к искусству в преподавании. Это возвращение к той практике, которая господствовала до эпохи Просвещения: «заучивание наизусть необъясненного материала»²⁶. Таким образом требование, согласно которому каждая интерпретация должна быть художественной, привело к отмене интерпретирования вообще. Остался лишь девиз: «Произведение искусства и только произведение искусства должно раскрывать все свое очарование».

7. Экспрессионизм

Даже когда после первой мировой войны запрет на парафразирование постепенно утратил свою действенность, оставался в силе приговор против использования в интерпретации стихотворения биографических, филологических и исторических контекстов. Это привело к тому, что литературоведы отказались от источников информации, к которым они обращались в эпоху реализма, но по-прежнему применяли те же языковые операции.

В переработанном издании написанной Бильшовским биографии Гете Вальтер Линден по-прежнему разлагает стихотворение на мотивы, но биографический аспект при анализе оставляет без внимания, так как

[...] внутреннее значение стихотворения возвышается над любым поводом, каким бы он ни был, оно больше не имеет ничего общего с отдельными переживаниями.²⁷

Эмиль Эрматингер (Ermatinger), описывавший разворачивающееся в стихотворении действие, воздерживался от любых филологических конъектур, поскольку

[...] временная последовательность, в которой представления выражаются поэтом, пространственное соседство вещей, стоящих перед его глазами, не являются соединением логических причин и следствий.²⁸

Макс Коммерель (Kommerell) описывал действие, оказываемое стихотворением на читателя, но исключал из анализа историю восприятия, потому что

²⁶ Bonus Arthur. Vom Äußerlichsten und vom Innerlichsten, S. 333.

²⁷ Linden Walter (Hrsg. u. Bearb.). Albert Bielschowsky: Goethe – Sein Leben und seine Werke. 2 Bde. München, 1928. Bd. 2, S. 359.

²⁸ Ermatinger Emil. Das dichterische Kunstwerk – Grundbegriffe der Urteilsbildung in der Literaturwissenschaft. Leipzig; Berlin, 1921, S. 174. Эрматингер разбирает стихотворение Гете «К месяцу» в книге: Die deutsche Lyrik in ihrer geschichtlichen Entwicklung von Herder bis zur Gegenwart. 2 Bde. Leipzig; Berlin, 1921.

стихотворение [...] содержит в себе и читателя. [...] Настроение стихотворения дает ему силу передать это настроение тому, кто стихотворение воспринимает. «Привести» в настроение, как мы говорим.²⁹

Теоретические замечания, подобные этим, были призваны вернуть литературоведам двадцатых и тридцатых годов веру в важность вербализации того, как они воспринимают литературу. Поскольку искать внешнее объяснение текста путем контекстуализации считалось неприемлемым, текст начали «объяснять исходя из себя».

Вместо того чтобы давать биографическую мотивировку стихотворения, исследовали так называемую «внутреннюю мотивировку» вымышленных элементов, центральную идею³⁰. Вместо того чтобы устанавливать причинные связи внутри вымышленного мира, сравнивали признаки вымышленных элементов в целом в отношении к «единству духовного строя»³¹. Вместо того чтобы изучать исторически засвидетельствованные процессы восприятия произведения, концентрировались на типичных непосредственных реакциях среднего читателя³².

²⁹ Kommerell Max. Gedanken über Gedichte. Frankfurt, 1943, S. 25.

³⁰ Ср.: Ermatinger Emil. Das dichterische Kunstwerk, S. 256: «Идея же эта является центром, который определяет внутреннюю мотивировку или организацию всего материала». S. 267: «Внутренняя мотивировка обеспечивает единство и цельность произведения».

³¹ Ср. Ermatinger Emil, S. 282: «Также и в лирике внутренняя мотивировка, даже если она лишается строгих причинных связей, тем не менее представляет собой единство духовного строя, и лишь там, где это единство присутствует, стихотворение оказывает истинное воздействие».

³² Ср. Kommerell Max. Gedanken über Gedichte, S. 22: «[...] в наши дни сущностное, но тем не менее неуловимое действие, оказываемое поэзией, заключается в том, чтобы вызвать лирическое состояние в читателе, воспринимающем стихотворение».

Типичные предпосылки такого псевдообъективного подхода формулирует Герман А. Корф (Korff H. A. Goethe im Bildwandel seiner Lyrik. 2 Bde. Nanau, 1958. Bd. 1, S. 241): «Однако понять общий смысл не значит принять точку зрения поэта, его исключительно индивидуальных чувств, – но понять стихотворение как стихотворение для нас, для любого чувствующего и образованного человеческого существа – так, как если бы оно было написано для тебя и для меня, как если бы поэт стремился только к тому, чтобы ‘провести перед нашим взором’ чувства, которые появляются в каждом из нас не единожды, но вновь и вновь как реакции на жизнь, на типичные жизненные ситуации, – несмотря на то, что поводы и обстоятельства в каждом случае различны» (разрядка авторская). О гетевском послании к месяцу Корф пишет (Bd. 1, S. 242): «Рассматриваемое таким образом – с точки зрения читателя, – стихотворение, очевидно, [...] являет собой нечто простое и понятное, и мы без труда идентифицируем себя с одиноким ночным странником [...]. Но со странным удовлетворением мы присоединяемся и к сетованиям на непостоянство самого прекрасного – ‘Поцелуй – увы! – далек, / Верность – далека’, – и, прочитав эти

Эрнст Кассирер (Cassirer) и Герман Понгс (Pongs) заново открыли гетевское понятие символа для гуманитарных наук:

Символы превращают явление в идею, идею в образ, причем таким образом, что в образе идея остается бесконечно действенной, и недостижимой, и, даже будь она произнесена на всех языках, тем не менее невыразимой.³³

Так понимаемый символ включал в себя все те свойства – и только те, – которые Линден, Эрматингер и Коммерель искали в литературных текстах:

Извлеченный из цепи причин и следствий, взятый только в его идеальном содержании, [...] символ выходит [...] за пределы круга существования.³⁴

Наблюдателю любое расширение понятия символа представляется ‘более глубоким смыслом, присущим каждому значительному произведению’.³⁵

Это понятие отличается от смежных понятий тем, что символ не просто выражает, представляет или обозначает свой объект, но наделен его силой.³⁶

Подкрепляемое этой философской концепцией, понятие символа в период между мировыми войнами приобретает ключевую функцию в гуманитарных науках. В то время слово «символ» служило термином в равной мере для

строки, каждый чувствительный читатель непроизвольно скажет: ‘Да, это так, я сам испытал то же и испытаю еще не раз’». Впрочем, эти рассуждения дают не столько описание текста-объекта, сколько имплицитную дефиницию того, что Корф понимает под «чувствующим и образованным человеческим существом».

³³ Goethe Johann Wolfgang von. *Maximen und Reflexionen* 1113. In: G. J. W. v. Gedenkausgabe (ср. сноску 3). Bd. 9, S. 639. Ср. также формулировку Томаса Карлайла, Carlyle (Sartor Resartus. London, 1834. Переиздание: London, 1858, S. 134), который был знаком с гетевской концепцией символа: «In the Symbol proper, [...] there is ever more or less distinctly and directly some embodiment and revelation of the Infinite: the Infinite is made to blend itself with the Finite, to stand visible, and as it were, attainable there». Позднее эту формулировку заимствовал Артур Саймонс (Symons) в оказавшей большее влияние книге «The Symbolist Movement in Literature», вышедшей в 1899 и переиздававшейся в 1908 и 1919 гг.

³⁴ Cassirer Ernst. *Der Begriff der symbolischen Form im Aufbau der Geisteswissenschaften*. In: C. E. *Wesen und Wirkung des Symbolbegriffs*. Oxford, 1921, S. 169-200. Reprint: Darmstadt, 1956.

³⁵ Pongs Hermann. *Das Bild in der Dichtung*. Bd. 1. Marburg, 1927, S. 41.

³⁶ Kommerell Max. *Gedanken über Gedichte* (ср. сноску 26), S. 15.

– творческого мотива без биографической обусловленности,
 – вымышленного события без филологического подтверждения,
 – эффекта восприятия вне исторического контекста,
 и в этой роли понятие символа использовалось как орудие для защиты от нападков теории науки на новую практику интерпретирования.

В ходе такого развития символическая интерпретация чаще превращалась в лингвистический анализ текста-объекта, чем любой другой подход в интерпретации со времен Каннегиссера и Хена. В ее рамках сформировались и новые методики анализа текста, и весьма убедительные приемы описания.

Макс Коммерель, например, использовал особую технику суммирования. В применении к стихотворению Гете «К месяцу» эту выглядит так:

Выделяются следующие этапы:

[I, II] чистая дистанция созерцания жизни;

[III] всеохватность воспоминаний;

[IV] невозвратимость моментов любви;

[V 1, 2] уверенность в прошедшем;

[V 3, 4] боль от невозможности забыть;

[VI 1, 2, VII] неустанное странствие;

[VI 3, 4] странствие вдохновляет: поэзия.

[VIII, IX] Стихотворение завершается уверенностью в обладании тем, что принадлежит герою, порывающему с миром, но это обладание герой делит с другом.³⁷

Этот метатекст последовательно фиксирует стадии процесса, который протекает в сознании реципиента, медленно читающего стихотворение. Каждой стадии соответствует примерно одно предложение стихотворения. Каждый элемент этого процесса характеризуется формулировкой, которая получена из соответствующего предложения стихотворения путем простой языковой трансформации. Так, слова «неустанное странствие» возникают путем следующих операций, совершаемых со стихами VI 1, 2:

(1) *Пой, река, долиной всей, / Отдыха не знай.*

Путем *п е р е с т а н о в к и* – изменения исходного порядка слов – мы получаем:

(2) *Река, не знай отдыха, пой всей долиной*

Путем *н о м и н а л и з а ц и и* глаголов и согласования падежа мы получаем:

(3) *Неустанное пение реки по всей долине*

Путем *а б с т р а к ц и и* и устранения некоторых слов мы получаем:

³⁷ Kommerell Max. Gedanken über Gedichte, S. 100.

(4) *Неустанное журчание*

Путем лексической г е н е р а л и з а ц и и мы получаем:

(5) *Неустанное странствие*

Это формулировка Коммереля. Путем еще одной н о м и н а л и з а ц и и – номинализации эпитета – и согласования падежа мы можем получить выражение

(6) *неустанность странствия,*

которое находится на еще более высокой ступени абстракции в сравнении с текстом стихотворения.

Очевидно, что столь сильное абстрагирование разрушает специфические синтагматические связи внутри стихотворения. Но это осуществляется намеренно – для того, чтобы облегчить парадигматические ассоциации. Хотя метатекст Коммереля представляет лишь один из подходов, обычно использовавшихся при символической интерпретации, тем не менее он вполне позволяет увидеть, где следовало искать новую системную опору для постижения текста-объекта после того, как генетические, филологические и рецептивные контексты были отвергнуты. Эта новая опора – языковые и культурные парадигмы, представленные в элементах содержания текста-объекта.

Разрушение внутритекстовых синтагматических связей исключает контекст как фактор, определяющий специфические значения слов в стихотворении. Благодаря этой изоляции, продиктованной задачами анализа, каждое слово получает свободу вступать в новые комбинации, активирующие другие значения этого слова, предусмотренные словарем. Если для интерпретационной практики экспрессионизма была характерна деконтекстуализация, то здесь мы имеем дело с д е т е к с т у а л и з а ц и е й . Она обеспечивает возможность диалектического развертывания всех тех различий и противопоставлений, которые снимаются в словарном значении слова.

Чтобы описать семантическую ценность слова *месяц* в стихотворении Гете, французский литературовед Альберт Фукс (Fuchs) в своем «*explication de texte*» вводит следующие понятия:

1. Благодаря внешнему противопоставлению дня ночи устанавливаются оппозиции:

темнота вместо света,
тишина вместо шума,
спокойствие вместо дерзости,
глубокие размышления вместо суетливой деятельности.

2. Благодаря внутреннему противопоставлению в качестве продолжения «тайной жизни» ночи мы имеем:

и счастье, и угрозу,

и свободу, и тягостный гнет,
и хаос, и космос,
и любовь к жизни, и страх перед ней.³⁸

Фонетическую ценность слова *Nacht* (ночь) Фукс описывает так:

Мягкость *n* и благозвучие *a* твердо, но без беспокойной пронзительности как будто вызывают к чувствительности – но без пошлости. Внезапное прекращение звучных колебаний благодаря *cht* действует как приглашение погрузиться в свой внутренний мир.

[...] Чистое завершение звука выражает предупреждение о растекающемся чувстве, об опасности сентиментальности.³⁹

Хотя рассуждения Фукса подтверждают все то, что было сказано о возможных последствиях детекстуализации для семантического описания слов текста-объекта, тем не менее в его рассуждениях есть и неожиданность: даже наиболее тонко чувствующему лингвисту не пришло бы в голову ассоциировать слово *Nacht* с приведенными значениями, если бы он перед тем не прочитал стихотворение Гете. «Как приглашение погрузиться в свой внутренний мир» действует не слово *Nacht* (ночь), но стихи

Счастлив, кто бежал людей,
Злобы не тая,
[...].⁴⁰

И не лексическое значение слова *ночь*, а лишь две завершающие строфы стихотворения выражают «предупреждение о растекающемся чувстве».

Этот пример показывает, какое применение находит в символической интерпретации свобода, добытая путем детекстуализации. Такие интерпретации

³⁸ Ср. сам текст Фукса: «Ночь – это темнота и угроза, но также темнота, спокойствие и тишина. Шум «дерзкого дня» умолкает. Человек наслаждается счастьем быть самим собой. Ему открываются глубочайшие мысли, невысказанные в течение дня, предчувствия и прозрения, ответы на главные вопросы бытия. Но за этим счастьем таится угроза, что ночь будет вечной. Ночь – время снов, которые могут давать свободу, а могут быть кошмарами, это хаос и космос, два мира, между которыми течет таинственная, притягательная и пугающая жизнь. Ночь – это слово, произносимое бесконечными, противоположными друг другу и сливающимися друг с другом отголосками...» (Fuchs Albert. *Initation à l'étude de la langue et de la littérature allemandes*. Strasbourg, 1947, p. 329).

³⁹ Ср. Fuchs A. *Initation*, p. 312слл.: «La douceur du *n* et la sonorité forte, mais dépourvue de stridence troublante du *a* sont comme un appel à la douceur sans fadeur. L'arrêt brusque des vibrations sonores par le *cht* agit comme un invitation au repliement sur soi. [...] Par le *cht* final (dans *Nacht*) à la sonorité nettement arrêtée s'exprime une mise en garde contre le sentiment diffus, contre la sentimentalité».

⁴⁰ Ср. седьмую строфу послания к месяцу.

не руководствуются всеми вторичными значениями подряд, но исходят из специфического текстуального значения других фрагментов стихотворения и проецируют это значение на ключевые слова. В качестве центров таких проекций в стихотворении Гете наиболее подходящими являются существительные, обозначающие чувственно воспринимаемые природные явления: *месяц, река и ночь*.

Однако такой метод проецирования противоречит тому, что утверждает Роман Якобсон в своем исследовании поэтической функции языка. По Якобсону,

[...] две основных операции, используемых в речевом поведении, – это *селекция* и *комбинация*. Если тема (topic) сообщения – «ребенок», то говорящий выбирает одно из имеющихся в его распоряжении более или менее сходных существительных, таких, как *ребенок, дитя, подросток, малыши* и т. д., которые все в определенном отношении эквивалентны друг другу. Затем, чтобы высказаться об этой теме, говорящий может выбрать один из семантически родственных глаголов, например *спать, дремать, клевать носом* и т. д. Оба выбранных слова комбинируются в речевой цепи.⁴¹

Эту характеристику процесса формулирования можно представить в виде диаграммы (рис. 1).

Обычно, пишет Якобсон,

селекция (выбор) производится на основе эквивалентности [...]; комбинация – построение предложения – основывается на смежности.⁴²

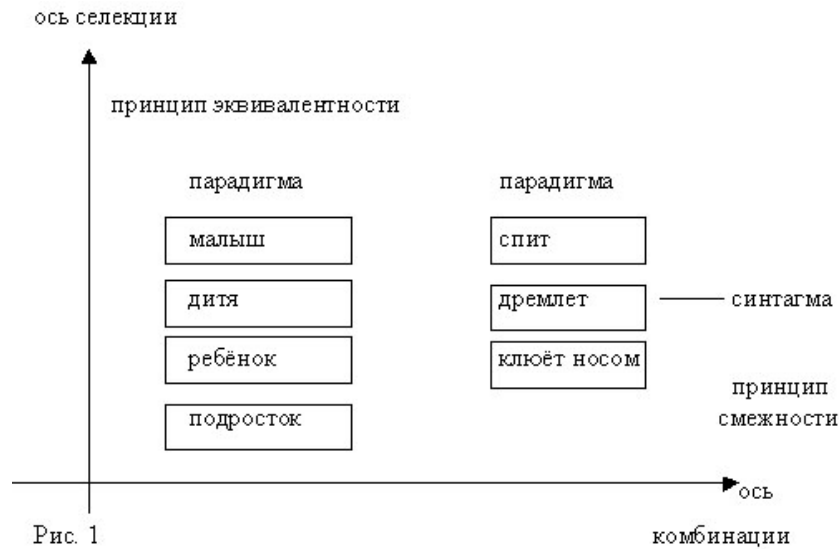
В поэзии же

эквивалентность становится конституирующим моментом в последовательности.⁴³

⁴¹ Якобсон Р. Лингвистика и поэтика (ср. сноску 2). С. 204.

⁴² Там же. О понятиях «селекция» и «комбинация», «эквивалентность» и «смежность» см.: Posner Roland. *Strukturalismus in der Gedichtinterpretation – Textdeskription und Rezeptionsanalyse am Beispiel von Baudelaires 'Les chat'*. In: Ihwe Jens (Hrsg.). *Literaturwissenschaft und Linguistik. Ergebnisse und Perspektiven*. Bd. 2/1. Frankfurt, 1971, S. 224-266. Также в: Blumensath H. (Hrsg.). *Strukturalismus in der Literaturwissenschaft*. Köln, 1972, S. 202-242. Примеч. 26-30. – Ср. также: P. R. *Syntactics. Its relation to morphology and syntax, semantics and pragmatics, syntagmatics and paradigmatics*. In: *Arbeitspapiere zur Linguistik*, № 15 (1983), S. 165-199 (Institut für Linguistik. Technische Universität Berlin).

⁴³ Там же.

Поэтическая функция языка

проецирует принцип эквивалентности с оси селекции на ось комбинации⁴⁴.

Если рис. 2 описывает принцип проекции, который, по Якобсону, действует в поэзии⁴⁵, то принцип проекции, действующий в символической интерпретации, можно описать схемой, представленной на рис. 3.

Основываясь на таком подходе, Линден мог утверждать:

Месяц [...] – это символ вечных сил и обретения покоя в них, символ освобождения чувств, прояснения души и возвращения к тем силам, которые питаются из наших сокровенных внутренних источников.

Река с ее пением – символ движения, вечного течения жизни, которая болью и радостью поражает сердце и отнимает драгоценнейшие блага, чтобы оставить лишь воспоминания о них.⁴⁶

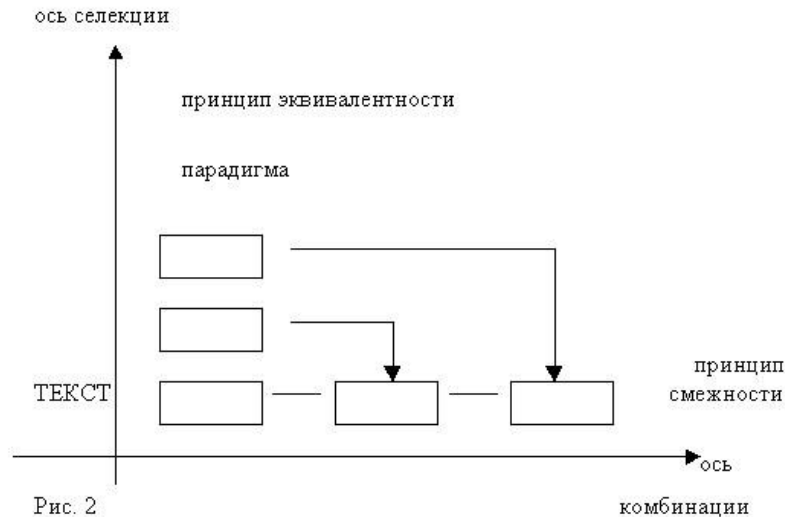
А Фукс мог написать:

Ночь обобщает и олицетворяет все, что сказано после слова *счастлив*.⁴⁷

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Ср. Posner Roland. *Strukturalismus in der Gedichtinterpretation*, S. 238.

⁴⁶ Ср. Linden Walter. *Goethe* (ср. сноску 24). Bd. 2. S. 359.

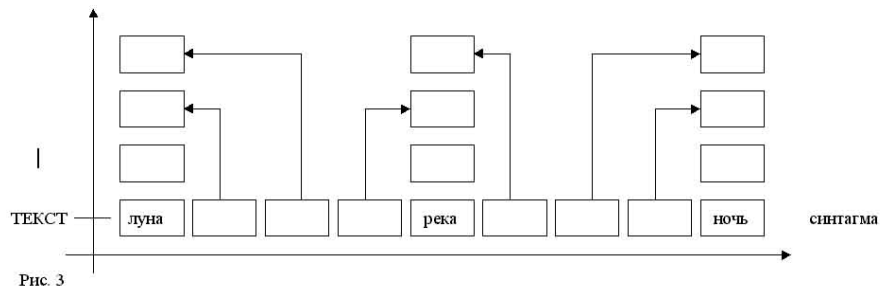
Даваемые Линденом и Фуксом прямые указания на значение символов *месяц*, *река* и *ночь* шаг за шагом раскрывают читателю все содержание стихотворения.

Формулировка Линдена имеет парадигматический характер: она представляет собой перечисление значений, которые эквивалентны друг другу в том отношении, что они относятся к символу *месяц* (или *река*). Чтобы образовать эту парадигму, Линден отобрал соответствующие элементы из стихотворения Гете. Прием Линдена – прямая противоположность тому, что делает типичный писатель, который находит элементы, принадлежащие разным парадигмам, и строит из этих элементов синтагму.

По Якобсону, поэт отличается от типичного писателя тем, что берет из парадигмы не один, а несколько элементов, эквивалентных друг другу, и комбинирует из них синтагму. Прием Линдена представляет собой противоположность и этому подходу, так как Линден отбирает несколько смежных по отношению друг к другу элементов одной синтагмы и комбинирует из них парадигму.

Если поэзия, по Якобсону, делает эквивалентность конститутивным отношением в рамках синтагмы, то символическая интерпретация делает смежность конститутивным отношением в рамках парадигмы: символическая интерпретация проецирует принцип смежности с оси комбинации на ось селекции.

⁴⁷ Ср. Fuchs A. Initiation (ср. сноску 35), S. 310: «*Nacht* résume et matérialise tout ce qui a été dit depuis *selig*».

Однако эти различия не противоречат друг другу. Их характер станет очевидным, если учесть, что Якобсон описывает процесс создания текста, а Линден – способ восприятия. Восприятие поэзии по принципу символической интерпретации не является несовместимым с созданием текста по якобсоновским принципам – напротив: символическая интерпретация предполагает, что текст построен по якобсоновским принципам. Существует только один критерий поэтической функции языка: поэтическая функция проецирует принцип подобия и принцип смежности на противоположные сферы применения.

Этот критерий нейтрален в отношении того, о каком использовании языка идет речь: писатели применяют его, когда проецируют принцип подобия с оси селекции на ось комбинации, интерпретаторы применяют его, когда проецируют принцип смежности с оси комбинации на ось селекции. Таким образом, эти два направления проекции относятся друг к другу как две стороны одного листа бумаги.

Но можно ли сказать об этих двух процессах проецирования, что один является противоположностью другого? Не всегда. Чтобы реципиент на основании синтагм текста-объекта мог восстановить парадигмы его создания, текст должен соответствовать требованию, которое напоминает предложенный Эрматингером постулат «внутренней мотивировки»⁴⁸. Установить парадигмы, которые автор взял за основу при создании текста, можно только в том случае, если текст или хотя бы его фрагменты подчиняются «центральной идее». Только текст, элементы которого связаны как отношением смежности, так и отношением подобия, указывает на фундамент, общий для этих элементов, и может служить отправной точкой для символической интерпретации. Это предположение подтверждается тем, что структурные свойства речи, реализующей поэтическую функцию, не зависят от направления проекции.

В том, как разрешается мнимое противоречие между постулатом Якобсона и интерпретационной практикой Линдена, обнаруживается важное преимущество символической интерпретации: она больше, чем все прежние под-

⁴⁸ См.: Ermatinger E. Das dichterische Kunstwerk, S. 250, см. выше сноску 27.

ходы к интерпретации, способствовала пониманию тех процессов, которые происходят при восприятии литературы. На основании имеющегося материала эти процессы можно реконструировать следующим образом:

1. Все описания символического содержания придерживаются последовательности изложения, заложенной в тексте-объекте. Значит, они характеризуют когнитивную деятельность реципиента, воспринимающего предложения стихотворения одно за другим и связывающего в своем сознании содержание этих предложений с центральной идеей.

2. Кроме того, при восприятии поэзии такого типа можно разграничить пять процессов:

а. Основываясь на содержании стихотворения, мы можем сказать, что месяц стимулирует ряд психических процессов в сознании лирического героя: «обретение покоя, освобождение чувств, прояснение души и возвращение к тем силам, которые питаются из наших сокровенных внутренних источников».

б. Благодаря идентификации с лирическим героем способный к сопереживанию читатель, воспринимая стихотворение, также испытывает это воздействие вымышленного месяца.

в. Так как поэтическая функция языка направляет внимание читателя на носитель знака, читатель ассоциирует это воздействие со словом *месяц*, содержащимся в тексте стихотворения.

г. Соответствующие ассоциации переносятся со слова на его реальный объект, реальный месяц, когда читатель встречает его в собственной жизни.

д. Если же читатель испытал, как реальный месяц помогает ему «обрести покой, освободить чувства, прояснить душу и возвратиться к тем силам, которые питаются из наших сокровенных внутренних источников», то при повторном чтении стихотворения он получает впечатление, что его ассоциации подтверждаются действительностью (обратная связь к (б)).

Процесс восприятия, проходящий эти этапы, можно объяснить как вторичное кондиционирование (обусловливание)⁴⁹: текст стихотворения служит обусловливающим раздражителем;

– вымышленный месяц в (а) и (б),

– слово *месяц* в (в) и

– реальный месяц в (г)

служат обусловленными раздражителями, а

– воздействие вымышленного месяца на лирического героя в (а),

– воздействие вымышленного месяца на читателя в (б),

– воздействие слова *месяц* на читателя в (в) и

– воздействие реального месяца на читателя в (г)

следует рассматривать как вторично обусловленные реак-

⁴⁹ См. Razran G. Semantic and Phonetographic Generalizations of Salivary Conditioning to Verbal Stimuli. In: Journal of Experimental Psychology, № 39 (1949), p. 642-652.

ции все более высокого порядка⁵⁰.

Только читатель, который готов подвергнуться такому воздействию, в конечном итоге сможет утверждать вместе с Коммерелем, что слово *месяц*, или *река*, или *ночь* в стихотворении Гете

не просто выражает, представляет или обозначает свой объект, но наделено его силой.⁵¹

Таким мы образом мы получили объяснение процесса рецепции литературы в когнитивно-психологическом аспекте – пусть лишь схематичное объяснение, – и увидели, какую роль рецепция литературы играет в формировании и обновлении характерного для данной культуры репертуара символов. В этом контексте можно и ясно сформулировать задачи интерпретации. Метатексты призваны интенсифицировать определенные – в каждом случае разные – процессы, происходящие при восприятии литературы:

– контекстуализация à la Тик, Каннегиссер, Хен облегчает реципиенту переход от переживаний лирического героя к самостоятельному переживанию вымышленных событий вслед за героем (ср. (б): идентификация);

– *explicitation de texte* à la Фукс поддерживает реципиента при проецировании его собственных переживаний (переживаемых вслед за лирическим героем) на текст-объект, на содержащиеся в нем слова (ср. (в): ассоциация со словом);

– создание парадигмы à la Линден поддерживает реципиента в его стремлении связывать слова текста-объекта с соответствующими явлениями реального мира (ср. (г): ассоциативная генерализация).

8. Наши дни

Было бы интересно продолжить наш обзор приемов интерпретации и включить в него современные дискуссии. Для пост-экспрессионистской эволюции интерпретации характерен отказ от поиска формул содержательного единства. Детекстуализация как прием сохраняется: благодаря более совершенным лингвистическим методам анализа она проводится на всех языковых уровнях. Элементы, изолируемые таким путем из текста-объекта, заново связываются друг с другом с самых различных точек зрения. Возникающую в результате систему отношений называют структурой текста, и формула структуры занимает в структуралистской практике интерпретации центральное положение – подобно тому, как в символической интерпретации главную роль играла формула единства. Первая попытка структуралистской интерпретации гетевского послания к месяцу принадлежит Марианне Тальман (Thalman, 1927).

⁵⁰ См. Павлов И.П. Лекции о работе больших полушарий головного мозга. М., 1949.

⁵¹ Ср. Kommerell Max. Gedanken über Gedichte (ср. сноску 26), S. 15, см. выше сноску 33.

О ее анализе можно сказать то же, что уже было сказано о достоинствах и недостатках структуралистской интерпретации на примерах более позднего времени⁵².

Лишь с появлением рецептивной эстетики в семидесятые годы и распространением социологического литературоведения в восьмидесятые исследователи начали отказываться от абсолютизации текста-объекта и учитывать при интерпретации обстоятельства его возникновения и традиции его восприятия читательской аудиторией. Это совпало по времени со стремительным взлетом теории коммуникации и семиотики, ставшими частью теоретического фундамента нового литературоведения⁵³.

Сегодня в центре внимания стоит не текст, а литературная коммуникация, осуществляющаяся при помощи текста с его историей, текста в современном многообразии его восприятия. Поэтому и литературоведение занимает новое положение: как инстанция литературной коммуникации, оно связано системными отношениями с литературной критикой, с преподаванием литературы, с различными мероприятиями, устраиваемыми литературными обществами, литературными кафе и издательствами.

В этом контексте и методологическое разграничение текста-объекта и метатекста (ставшее исходным и для моего исследования) теряет абсолютный характер благодаря многообразным возможностям коммуницировать о литературном тексте, не притязая на научность.

9. Резюме

Так как поле нашего исследования стало чрезвычайно широким, имеет смысл вернуться к исходному вопросу и вновь задать его – в новой перспективе и в иной форме: с какими целями и какими методами

⁵² Thalmann Marianne. Goethe. 'An den Mond' – Eine Leserstudie. In: Zeitschrift für Deutschkunde, № 41, 1927, S. 497-501. Детальный анализ структурализма как метода интерпретации поэтического текста см.: Posner Roland. Strukturalismus in der Gedichtinterpretation (ср. сноску 39). См. также Balzer Wolfgang, Göttner Heide. Eine logisch rekonstruierte Literaturtheorie: Roman Jakobson. In: Balzer W., Heidelberg M. (Hrsg.) Zur Logik empirischer Theorien. Berlin; New York, 1983, S. 304-331.

⁵³ Ср., например: Riffaterre Michael. Strukturelle Stilistik. München, 1973 и Semiotics of Poetry. Bloomington; London, 1978; Iser Wolfgang. Der Akt des Lesens. Theorie ästhetischer Wirkung. München, 1976; Corti Maria. Principi della comunicazione letteraria. Mailand, 1976. Англ. перевод: An Introduction to Literary Semiotics. Bloomington; London, 1978, а также Eco Umberto. The Role of the Reader. Explorations in the Semiotics of Texts. Bloomington; London, 1979. См., кроме того, Posner Roland. Strukturalismus in der Gedichtinterpretation (ср. сноску 39), S. 227-235 и 259-266, а также P. R. Linguistische Poetik. In: Althaus H. P., Henne H., Wiegand H. E. (Hrsg.) Lexikon der Germanistischen Linguistik. 2. Aufl. Tübingen, 1980, S. 687-698 и P. R. Rational Discourse and Poetic Communication (ср. сноску 4).

формулировались литературные интерпретации за прошедшие 200 лет?

Эта работа должна прояснить одно: интерпретации писались в первую очередь не для того, чтобы сообщить новые факты, дополнительную информацию об авторе, о тексте или об истории восприятия стихотворения. Интерпретации создавались, чтобы помочь читателю выработать индивидуальное отношение к стихотворению.

И чтобы достичь этой цели, необходим не такой метатекст, который в данной исторической ситуации восприятия текста-объекта эквивалентен ему – по возможности – со всех точек зрения; необходимо выбирать формулировки, имеющие значимое отличие от текста стихотворения. Интерпретация в состоянии помочь читателю осознанно воспринять значительные особенности литературного произведения, но не путем рабского пересказа, не бессловесным восторгом, а лишь

- многообразно сменяя перспективу,
- изменяя центр тяжести текста-объекта,
- меняя местами первый и второй план,
- обращая то, что выражено эксплицитно и имплицитно,
- создавая новый контекст.

Сколько значимых языковых различий может существовать между интерпретацией и текстом-объектом и какие функции выполняют эти различия в отдельности, предстоит выяснить в будущем. Но я надеюсь, что смог показать: при решении этих вопросов можно быть методологически последовательным. Систематическое изучение исторического материала в совокупности с рядом лингвистических экспериментов⁵⁴ постепенно создает все более надежный фундамент для решения классической проблемы, занимающей каждого литературоведа, каждого литературного критика, каждого преподавателя литературы: как преподнести данный текст данной публике?

⁵⁴ Первый шаг в этом направлении был сделан в исследовании: Posner Roland. *Theorie des Kommentierens: Eine Grundlagenstudie zur Semantik und Pragmatik*. 2. Aufl. Wiesbaden, 1980.